

«ИОАНН, ИЛИ ВЗЯТИЕ КАЗАНИ» М. С. РЫБУШКИНА: ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ ПЬЕСЫ И ЕЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

А. И. Завьялова

Российский государственный архив социально-политической истории

Поступила в редакцию 20 апреля 2021 г.

Аннотация: в 1814 г. в Казани издали трагедию «Иоанн, или Взятие Казани» учителя Казанской гимназии, историка М. С. Рыбушкина. Драматическое сочинение посвящалось помещику П. П. Есипову — основателю первого городского казанского театра. Пьеса «Иоанн, или взятие Казани» относится к ряду художественных произведений русской литературы второй половины XVIII — начала XIX вв. на так называемый казанский сюжет. Ещё при жизни М. С. Рыбушкина трагедия оказалась позабытой, и сейчас она остается малоизвестной для исследователей. В данной статье впервые подробно рассматривается сюжет этого драматического сочинения, история его публикации, при этом немалое внимание уделяется самой личности М. С. Рыбушкина. В процессе изучения «Иоанна, или Взятия Казани» выявлен круг первоисточников этого текста — ими, прежде всего, были трагедия «Сумбека, или Падение Казанского царства» С. Н. Глинки и знаменитая эпическая поэма «Россияда» М. М. Хераскова.

Ключевые слова: «Иоанн, или Взятие Казани», М. С. Рыбушкин, Н. М. Ибрагимов, П. П. Есипов, А. С. Пушкин, А. А. Фукс, «Заволжский Муравей», «Россияда», «Сумбека, или Падение Казанского царства».

Abstract: in 1814 in Kazan was published the tragedy «Ioann, or the Kazan Siege», written by M. S. Rybushkin, historian and teacher of the Kazan Gymnasium. The dramatic work was devoted to P. P. Esipov, the Kazan landlord, known as the founder of the first Kazan public theatre. The play «Ioann, or the Kazan Siege» refers to the number of the literary works of the second half of the 18th century and the beginning of the 19th century based on the so-called Kazan plot. Among them are «Rossiada», the famous epic poem by M. M. Kheraskov, the plays by S. N. Glinka «Sumbeka, or the Kazan Siege» and A. N. Gruzincov «The besieged Kazan, or The kidness of Ioann Vasilyevich IV, called Terrible» and also G. R. Derzhavin's opera «Grozny, or the Kazan Siege». «Ioann, or the Kazan Siege» became forgotten when M. S. Rybushkin was alive yet. Nowadays the tragedy still stays little-known for researchers. In this paper the plot of «Ioann, or the Kazan Siege» and the history of the play's publication were considered in detail for the first time. As well the author of the paper gives considerable priority to the personality of M. S. Rybushkin. Having studied the text of «Ioann, or the Kazan Siege», the author identified the range of it's main literary sources— there were S. N. Glinka's «Sumbeka, or Siege of the Kazan's Tsardom» and M. M. Kheraskov's poem «Rossiada».

Keywords: «Ioann, or the Kazan Siege», M. S. Rybushkin, N. M. Ibragimov, P. P. Esipov, A. S. Pushkin, A. A. Fuks, «Zavolzhsy muravey», «Rossiada», «Sumbeka, or Siege of the Kazan's Tsardom».

В типографии Императорского Казанского университета в 1814 г. опубликовали книгу «Иоанн, или Взятие Казани. Трагедия в пяти действиях в прозе» (Рис. 1). Ее автором был преподаватель Первой Казанской мужской гимназии (открыта в 1758 г.), сын Симбирского губернского регистратора, Михаил Самсонович Рыбушкин (годы жизни: 1792–1849 гг.; в архивных документах встречаются два варианта написания отчества: Самсонович (см., например, некролог о Рыбушкине: РГАЛИ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1.) и Сампсонович (в его формулярном списке: ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5697. Л. 44).). Впоследствии он станет известным краеведом и журналистом г. Казани (с 1828–1834 гг. Рыбушкин был редактором еженедельной университетской газеты «Прибав-

ления к “Казанскому вестнику”», а в 1832 г. он основал собственный журнал «Заволжский Муравей»). Его главные труды «Краткая история города Казани» (1834 г.) и «Записки об Астрахани» (1841 г.) и сейчас признаются одними из лучших исследований по истории Казанской и Астраханской земель. К тексту «Краткой истории города Казани» обращался и А. С. Пушкин, работая над «Историей Пугачёва» (1834 г.). В своем письме от 15 августа 1835 г., адресованном казанской писательнице А. А. Фукс, он писал: «Надеясь на Вашу снисходительность, я осмелился отправить на ваше имя один экземпляр для доставления г. Рыбушкину, от которого имел честь получить любопытную историю о Казани» [1, 25]. Это письмо было издано А. А. Фукс в «Казанских губернских ведомостях» уже по прошествии нескольких лет после смерти А. С. Пушкина, в 1844 г. Учёные

даже допускали мысль о том, что А. С. Пушкин мог лично познакомиться с М. С. Рыбушкиным, побывав в Казани осенью 1833 г. [2], что вполне вероятно. С 1832 г. по 1834 г. совместно с М. В. Полиновским (друг М. С. Рыбушкина, адъюнкт латинской словесности в Казанском университете) М. С. Рыбушкин выпускал в Казани журнал «Заволжский Муравей». Об этом знали не только в Поволжье, но и в Петербурге, в Москве (Рис. 2).

Но возвратимся к трагедии «Иоанн, или Взятие Казани». Об обстоятельствах ее публикации сохранилось немного сведений. Из архивных источников следует, что М. С. Рыбушкин направил сочинение на рассмотрение в Цензурный комитет при Казанском университете в 1813 г. (см.: «Дело о позволении напечатать трагедию «Иоанн, или Взятие Казани» // КФУ НБЛ ОРРК. Ед. хр. 4147. Л. 1; Ед. хр. 4157. Л. 9.). Посвящался «Иоанн» Павлу Петровичу Есипову (1768–1814 гг.), антрепренёру, основавшему в Казани городской театр в 1802 г. Дворянин П. П. Есипов прославился на всю Казань как страстный почитатель театра. Театр Есипова был очень популярен в Казани. Объявления о спектаклях печатались в «Казанских известиях». Среди постоянных посетителей театра были студенты Казанского университета. Само имя Есипова овеяно разного рода легендами. По одной из них, его актрису Феклушу украл сам Рыбушкин, и впоследствии Феклуша стала женой историка [3]. Однако подлинные свидетельства того события отсутствуют. Также сохранились воспоминания казанца Н. И. Мамаева, согласно которым Есипов совершил убийство одной из своих крепостных актрис Груни [4]. Эта история легла в основу рассказа В. С. Пикуля «Есиповский театр».

Произведение Рыбушкина явилось далеко не первым драматическим текстом, повествующим об исторических событиях 1552 г., в русской литературе первой трети XIX века. Ещё в 1806 г. в Москве издали трагедию С. Н. Глинки «Сумбека, или Падение Казанского царства». Произведение С. Н. Глинки поставили на петербургской сцене 7 мая 1807 г. Роль казанской царицы Сумбеки сыграла известная актриса Е. С. Семенова. В 1810 г. в Петербурге представили пьесу А. Н. Грузинцова «Покоренная Казань, или Милосердие царя Иоанна Васильевича IV, проименованного Грозным» (театральная премьера состоялась в 1813 г.). На петербургской и московской театральной сценах эти произведения приобрели успех.

Примечательно, что 1814 годом датируется и текст оперного либретто Г. Р. Державина «Грозный, или Покорение Казани» (впервые опубликовано только в 1867 г.).

Интерес писателей того времени к эпохе Ивана Грозного, по всей видимости, возник под влиянием авторитета эпической поэмы «Россияда» (впервые издана в 1779 г.). С. Н. Глинка, А. Н. Грузинцов и Г. Р. Державин, как и их современники, с большим

почтением относились к литературному таланту М. М. Хераскова. К началу XIX в. «Россияда» и вовсе приобрела статус классического, хрестоматийного текста русской литературы, ее воспринимали образцом художественного произведения. Любопытны в связи с этим воспоминания С. Т. Аксакова о том, как проводились уроки словесности в Казанской мужской гимназии, где заметим, учился и М. С. Рыбушкин. Так, по замечанию писателя, в обязательную программу по синтаксису русского языка входили «практические упражнения, состоявшие из писанья под диктовку и из переложения стихов в прозу» [5, 88], учитель гимназии Н. М. Ибрагимов (1778–1818 гг.) «выбирал лучшие места из Карамзина, Дмитриева, Ломоносова и Хераскова, заставлял читать вслух и объяснял их литературное достоинство» [5, 88]. Скажем здесь и о том, что Н. М. Ибрагимова считали одним из талантливейших педагогов начала XIX в., он славился способностью передавать своим ученикам любовь к его предмету и даже привлекал некоторых из них к литературной деятельности, в частности С. Т. Аксакова, В. И. Панаева, А. Д. Агафи и др. Среди них был и Рыбушкин, чьи самые первые попытки проявить себя на поэтическом поприще относятся к 1812 г. — сохранились стихотворения Рыбушкина, помещённые им в студенческом рукописном сборнике Казанского университета «Смесь» (журнал был найден в начале XX в. Н. П. Загоскиным в архиве Казанского общества любителей отечественной словесности [6]). И в последующие годы Рыбушкин продолжит публиковать свои произведения: «Стихи на день возшествия на Всероссийский Престол Его Императорского Величества, Государя Императора Александра Павловича («Прибавление» к № 11 «Казанских известий», 1814 г. 15 марта), «На кончину Гавриила Романовича Державина» («Казанские известия», 1816 г. 16 сентября), «Собака и волк», «Осел и лисица», «Триолет» («Заволжский муравей», 1832 г. № 8), «К Нине» («Заволжский муравей», 1833 г. № 19) и др.

Перу Рыбушкина принадлежат и два драматических произведения на историческую тему — «Бегство Наполеона из Москвы» (рукопись утрачена) и «Иоанн, или Взятие Казани», рассматриваемое нами в данной статье. Содержание этих текстов, как и в целом литературное творчество Рыбушкина, крайне редко привлекало внимание литературоведов. Трагедию М. С. Рыбушкина «Иоанн, или Взятие Казани» рассматривала казанская исследовательница И. Р. Рамеева, но она сосредоточила своё внимание по большей части на проблеме развития литературных направлений XIX в. и на литературном образе ханши Сююмбике [7, 12–13]. Главным же образом ученых интересовала личность Рыбушкина как журналиста, краеведа; о нем говорили как об участнике литературных вечеров поэтессы А. А. Фукс [8; 9; 10, 26–33].

До сих пор не существует и отдельной научной работы, которая бы наиболее подробно раскрывала

биографию историка. Основные же занимательные факты о жизни и деятельности Рыбушкина известны преимущественно из книги В. Аристова и Н. Ермолаевой «Все началось с путеводителя. Поиски литературные и исторические». Авторам монографии удалось рассказать о Рыбушкине, привлекая многие документы, хранящиеся в казанских архивах.

Прежде чем ознакомиться с текстом «Иоанна», для начала отметим, что имя Рыбушкина иногда встречается в научных комментариях к изданным лицейским стихотворениям А. С. Пушкина, в связи с эпиграммой «Бывало, прежних лет герой...» (или «На Рыбушкина», «Эпиграмма на Рыбушкина» 1914 г. [11, 446]), сочиненной поэтом как раз по случаю публикации трагедии «Иоанн, или Взятие Казани»:

*Бывало, прежних лет герой,
Окончив славу брань с противной стороной,
Повесит меч войны средь отческого куци;
А трагик наш Бурун, скончав чернильный бой,
Повесил уши [11, 77].*

Известие о появлении в Казани книги Рыбушкина А. С. Пушкин прочел на страницах журнала «Сын Отечества», где поместили о ней довольно неблагоприятный отзыв. Издатель «Сына Отечества» укорял автора «Иоанна» за отсутствие в его драматическом произведении благородных характеров, за безграмотную речь, а в конце своей рецензии и вовсе сделал замечание о том, «что большая часть сей трагедии переведена, но не с иностранного, а с Русского языка, именно из Сумбеки С. Н. Глинки» [12, Ч. 14, с. 205]. (При цитировании источников в статье сохраняются их орфографические и пунктуационные особенности, но «ъ» обозначается как «е», «і» — «и», «ь» в конце слов пропускается).

Таким образом, ещё раз скажем, что «Иоанн» не имел успеха, его издание стало только поводом для насмешек над Рыбушкиным. «Кто Русской грамоте, как должно, не учился, // Напрасно тот писать трагедии пустился!» [12, Ч. 12, с. 240; Ч. 14, с. 205] — с такой речью дважды обратился издатель «Сына Отечества» к Рыбушкину, приведя цитату из стихотворения В. Л. Пушкина «К В. А. Жуковскому» («Скажи, любезный друг...»).

Однако в действительности пьеса была всего-навсего пробным сочинением Рыбушкина. По справедливому замечанию издателя «Сына Отечества», трагедия написана на крайне слабом, не книжном языке, что иногда в её тексте можно встретить нелепые и непонятные реплики персонажей. Для примера приведем некоторые из них: «Итак, Князь, ежели ожидания мои не обманывают меня, ежели ты будешь соответствовать любви моей, то щастие совершлось и брак...» [13, 2], «Я не понимаю, Князь! к чему это клонится?» [13, 3], «дела в Казани весьма худы» [13, 25], «Так, Россияне, довольно, довольно, носить

узы рабства! сию же ночь смерть или победа!» [13, 29], «Слишком шестьдесят лет я живу на свете» (Иоанн, 30), «Скажи мне, для чего мы притекли сюда?» [13, 30], «Скажи мне, тень моего любезного! Скажи мне! доколе будут простираться бедствия поносной жизни моей? — нет, не долго — падение Казани прекратит их — Казань должна пасть от рук Россиян» [13, 51] и др.

Между тем, несмотря на стилистические недостатки, «Иоанн» — отнюдь не безынтересное по своему содержанию сочинение — в его сюжетной линии прослеживается своеобразное использование мотивов из предшествующих литературных произведений. Попытаемся внимательно рассмотреть драматический текст.

«Иоанн», при первом же его прочтении, и в самом деле напоминает пьесу С. Н. Глинки «Сумбека, или Падение Казанского царства», о чём свидетельствует весьма заметное сходство сюжетов двух драматических текстов. «Иоанн» и «Сумбека» повествуют о безответной любви ханши Сумбеки к крымскому царевичу Осману. Большинство персонажей Рыбушкина, как и Глинки, совершают все действия, исключительно руководствуясь своими частными интересами — царицу Сумбеку тревожат любовные чувства, Осман думает лишь о побеге из Казани с возлюбленной Эмирой, а тем временем коварный вельможа Сагрун, пользуясь сложившейся обстановкой в царском дворце, пытается захватить казанский престол.

В обеих пьесах герои предчувствуют гибель Казанского царства. В «Сумбеке» царица с горестью признает, что «престол ее должен сокрушиться» [14, 20]. И в «Иоанне» правительница верит в предопределения: «О! теперь я понимаю твое определение, Всемогущий! — Скоро, скоро рушится Царство мое, — все предвещает его падение; скоро затмится весна жизни моей и грозная смерть предстанет очам моим» [13, 4].

Очевидно, что Рыбушкин поместил в текст своей прозаической пьесы и цитаты из трагедии «Сумбека», на что в первую очередь и обратил внимание издатель журнала «Сын Отечества». Например, в первом действии «Сумбеки» царица обращается к Осману с речью: «Осман! судьбу мою в очах я зрю твоих; // Не для тебя ль Алей из мест мной изгнан сих?» [14, 11]. Практически та же цитата встречается в «Иоанне». Сравним: «О Небо, что я слышу! Эмира, недостойная Эмира владеет тобой — и ты мог предпослать мне простую, ничего незначущую смертную. Жестокий! не для тебя ли изгнан мною Алей из мест сих, не для тебя ли я отвергла руку Асталона, не для Османа готова была пожертвовать тронном своим?» [13, 5].

К «Сумбеке» читателей возвращает также один эпизод в первом действии «Иоанна» — сцена, когда Сагрун рассказывает царице о предсказании, услышанном им от Сеита: «Гром грянул и страшный голос

произнес ему: *горе, горе Ордынцам, пока Осман будет пребывать в их владениях*. Сеит оцепенев от слов сих, долго стоял на коленях пред жертвенником и — казалось не верил предсказанию. Гром вторично грянул, молния блеснула и голос громче повторил: *горе, горе Ордынцам, пока Осман будет пребывать в их владениях...*» [13, 9–10]. И в «Сумбеке» сам Сеит говорит царице о необходимости изгнать Османа: «Чтоб от погибели предохранить их град. // «Коль Крымский Князь Осман, притворства льющий яд, // «Сумбекою из стен извернется Казани, // «Во тще Россияне на вас воздвигнут брани: // «Но горе! Коль она не разлучится с ним! // «Падет, падет Казань; падет» и с словом сим // Во мрачных облаках гром ярый повторился» [14, 14].

Как и в «Сумбеке», в «Иоанне» казанская правительница кончает жизнь самоубийством. Но если у Глиники Сумбека забывает о своем государстве, то у Рыбушкина, напротив, она обвиняет себя в печальной судьбе ее царства: «Чу, чу слышатся радостные их восклицания! Чу раздаются вопли граждан моих, поражаемых руками Христианскими. Почто же я живу еще — (здесь и далее в тексте поставлен авторский знак) живу тогда, когда все погибло? — Умри несчастная Сумбека, солнце твое закатилось — заря жизни твоей угасла — (преклоня колена.) Боже Всемогущий! В последние преклоняю пред тобою колена свои — в последние прошу тебя прости меня слабое беззащитное творение — Царицу Казанскую — Царицу легковерную! — Я недостойна твоего Божеского гнева! — Я убийца! Я погубила тысячи народов, вкушавших несколько веков благоденствие, несколько веков бывших ужасом вселенной. Слабость и коварство Сагруна довели народ до такого состояния — Казань покорена? — и кем? — о судьба! Иоанном, нашим данником! Страшные мучения во аде представляются уму моему! — какой дам я отчет на суде твоём, Праведный Боже! (При сих словах часть Кремля взрывается на воздух; за нею видны сражающиеся воины) Так! Настала последняя минута жизни моей — все разрушается, все падает и погибает! Погибни же и ты, Сумбека!» (В бешенстве бросается в развалины) [13, 90–91].

Другой литературный источник «Иоанна» — «Россияда». Вновь подчеркнём, что в XIX в. писатели не раз обращались к поэме. Они использовали сведения Хераскова о средневековой Казани и Москве; причём, несмотря на то, что сюжет «Россияды» по большей части был основан на вымыслах самого писателя.

В «Иоанне» действующими лицами стали многие персонажи «Россияды» — Иван Грозный, Адашев, Алей, Курбский, Палицкий, Размысл, но подражание Рыбушкина Хераскову видится преимущественно в том, что в «Иоанне» встречаются прямые реминисценции из поэмы.

Во втором действии пьесы предстает сцена, в которой царь Иоанн IV беседует с Адашевым и вспоми-

нает ранние годы своего правления: «Дни цветущей юности провел я в роскоши и утопал в пороках. Отечество мое страдало, повсюду раздавались вопли граждан, раззоренных рукою злобных Татар — я не внимал гласу их и окруженный лукавыми вельможами, из коих Ленские были первые, не заботился о участи своих подданных. Низкия души сии уверяли меня, что все вкушает совершенное блаженство в земле, мною обладаемой — я им верил и вместе с ними предавался гнусным порокам» [13, 43].

Рассказ самодержца возвращает нас к страницам «Россияды», где Херасков показывает праздность и леность молодого монарха:

*Во смутны времена еще вельможи были,
Которы искренно отечество любили;
Соблазны щастия они пренебрегли,
При явной гибели не плакать не могли;
Священным движуты и долгом и законом,
Стенать и сетовать дерзали перед троном;
Пороков торжество, попоранну правду зря,
От лести ограждать осмелились Царя.
Вельможи в седилах Монарха окружают,
Их слезы общую напасть изображают;
Потупленны главы, их взоры, их сердца,
Казалось, туман простерли вокруг венца;
На смутных их челах сияет добродетель,
В которых свой позор прочесть бы мог владетель.
Дух бодрости в тебе, вещают, воздремал!
Но Царь, то зная сам, их плачу не внимал [15].*

Взаимосвязь «Иоанна» с «Россиядой» раскрывается и во втором действии поэмы, когда Иоанн говорит Адашеву о произошедших с ним изменениях. Важно отметить, что перемену облика монарха Рыбушкин вслед за Херасковым связывает с учреждением Избранной рады (в свою очередь, на появление данного мотива в «Россияде» во многом оказала влияние «История о великом князе Московском» князя Андрея Курбского).

Известно и то, что «Россияда» изображает чудесное видение, явившееся Иоанну во сне. Рыбушкин же несколько переделывает этот сюжет поэмы — в его сочинении сам самодержец вспоминает о том событии: «В одну ночь представился мне старец, покрытый сединами, произнесший тихо слова сии: Иоанн! вспомни предков своих, которых громкия дела никогда не изгладятся из истории времен, один ты недостойный помрачаешь славу их, один ты утопаешь в роскоши тогда, как отчество твое на краю пропасти — сравняйся с ними — поди в Казань и покори ее. Я, как громом пораженный пробудился от страха и не знал, что начать тогда; все члены мои онемели — хладела в жилах кровь; — но слова, произнесенные старцем все еще отзывались в ушах моих. В страшном мучении провел я целую ночь и с нетерпением ожидал разсвета. Наконец солнце яви-

лось в прежней красоте своей; все, казалось, приняло другой вид, вся природа обновилась. Толпа подлецов ожидала моего пробуждения — я не мог без презрения смотреть на них, — не медля ни минуты отдалил от себя шайку ласкателей и нашел, Адашев! В тебе верного сына отечества и нелицемерного друга» [13, 45–46]. Несомненно, и данный эпизод пьесы подтверждает, что Рыбушкин следовал за Херасковым.

Итак, в результате ознакомления с текстом «Иоанна» выявлены некоторые интересные факты о том, как создавалось это произведение. Установлено, что в процессе работы над «Иоанном» Рыбушкин, прежде всего, заимствовал художественные мотивы из поэмы «Россияда» и трагедии «Сумбека», но при этом ему удалось по-своему выстроить действие пьесы.

Вместе с тем есть основания полагать, что круг источников «Иоанна» был более многообразный — вероятнее всего, Рыбушкин написал трагедию и на основе разных исторических сочинений, и древнерусских памятников. Но определить эти тексты невозможно. Это объясняется тем, что в «Иоанне» не обнаруживаются такие сведения, которые отсылали бы нас к какому-нибудь конкретному историческому произведению.

Отметим только то, что в последующие годы своей жизни (в 1830–1840-е гг.) Рыбушкин станет привлекать немалое количество материалов, в том числе и найденные им средневековые рукописи, для написания исторических очерков и книг.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

ГА РТ — Государственный архив Республики Татарстан.

КФУ НБЛ ОРРК — Казанский федеральный университет. Научная библиотека имени Н. И. Лобачевского. Отдел рукописей и редких книг.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Альбицкий Константин Павлович. Выписки некрологов и биографических сведений о русских писателях из книг и периодических изданий, хранящихся в Императорской публичной библиотеке // РГАЛИ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1.

«Формулярный список о службе и достоинстве директора училищ Пензенской губернии, статского советника Рыбушкина» // ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5697. Л. 44.

«Дело о позволении напечатать трагедию «Иоанн, или Взятие Казани» // КФУ НБЛ ОРРК. Ед. хр. 4147. Л. 1; Ед. хр. 4157. Л. 9.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Прибавления» к «Казанским губернским ведомостям». — Казань, 1844. — № 2. — С. 25.

2. Бобров Е. А. А. С. Пушкин в Казани / Е. А. Бобров. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1905. — С. 41.

3. Заволжская вивлиофика Николая Агафонова. — Казань: Типография губернского правления, 1887. — Т. 1. — С. 54.

4. Записки Н. И. Мамаева // Исторический вестник. — СПб., 1901. — Т. 83, март. — С. 894–903.

5. Аксаков С. Т. Собрание сочинений в четырех томах / С. Т. Аксаков. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. — Т. 2. — 508 с.

6. Аристов В. Все началось с путеводителя. Поиски литературные и исторические / В. Аристов, Н. Ермолаева. — Казань: Издательство Казанского университета, 1975. — С. 26–28.

7. Рамеева И. Р. Образ Сююмбике в литературе (эпоха и литературный герой). Автореферат дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 2002. — 29 с.

8. Пономарев П. А. Казанская периодическая пресса. «Заволжский муравей» / П. А. Пономарев // Казанский литературный сборник. — Казань: Типография М. А. Гладышевой, 1878. — С. 177–222.

9. Бобров Е. А. А. Фукс и казанские литераторы 30–40-х годов / Е. А. Бобров // Русская старина. — СПб., 1904. — Т. 119. — С. 5–35.

10. Бик-Булатов А. Ш. Очерки истории Казанской журналистики (1811–1918). Выпуск 1. / А. Ш. Бик-Булатов. — Чебоксары: Free Poetry, 2020. — 242 с.

11. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. / А. С. Пушкин. — М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937. — Т. 1. — 531 с.

12. Сын Отечества, исторический, политический и литературный журнал». Часть двенадцатая. — СПб.: В типографии Ф. Дрехслера, 1814. — С. 240; Часть четырнадцатая. — СПб.: В типографии Ф. Дрехслера, 1814. — С. 203–205.

13. Рыбушкин М. С. Иоанн, или Взятие Казани: Трагедия в пяти действиях, в прозе / М. С. Рыбушкин. — Казань: В Университетской типографии, 1814. — 110 с.

14. Глинка С. Н. Сумбека, или Падение Казанского царства / С. Н. Глинка. — М., 1817. — 75 с.

15. Херасков М. М. Россияда / М. М. Херасков // Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. Часть I. — М., 1796. — С. 6.

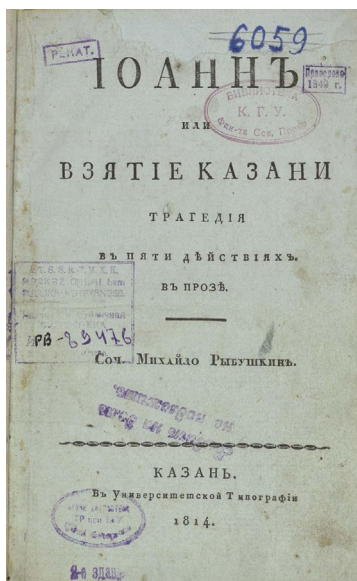


Рис. 1. «Иоанн, или Взятие Казани». Титульный лист.



Рис. 2. Дом К. Ф. Фукса в Казани. Здесь осенью 1833 г. могла произойти встреча М. С. Рыбушкина и А. С. Пушкина. Старая фотография.

Российский государственный архив социально-политической истории
Завьялова А. И., ведущий специалист
E-mail: azavyalowa@gmail.com

Russian State Archive of Socio-Political History
Zavyalova A. I., Leading Specialist
E — mail: azavyalowa@gmail.com